

Из всех вышеуказанных утверждений, связанных с созданием и печатанием книг на румынском языке, вытекает, что книжнославянский язык рассматривался как язык ученых людей, в то время как все другие читали только по-румынски. Книжнославянский язык — это классовый язык в том смысле, что он изучался придворными людьми и духовенством и не был родным языком, а культурной речью господствующего класса, который в течение многих веков монополизировал просвещение.

Но возникает вопрос: почему удовлетворение культурных нужд народных масс рассматривается как долг его правителей лишь в XVI веке, а не в предыдущие века, когда существовало аналогичное положение вещей и когда при всем этом нужда в просвещении подданных и бедноты не занимала господствующий класс? Совершенно ясно, что забота о распространении просвещения среди народа является делом гуманистов. Румынские гуманисты не были и не могли быть покровителями и защитниками средневекового книжнославянского языка и, разумеется, не могли поощрять распространение латинского языка в странах с православным населением; вот почему они ограничивались выявлением классового характера румынского языка и признавали его культурным языком.

Гуманисты, выразители прогрессивной политики, боролись за распространение просвещения среди безграмотных, но это гуманистическое течение в румынском обществе распространилось лишь в связи с усилением роли мелкого дворянства и горожан в румынских землях в XVI—XVII вв. Это социально-историческое объяснение причин устранения книжнославянского языка у румын подтверждает его классовый характер, как языка ученых людей на первом этапе феодального периода.

Анализ славяно-румынской литературы привел нас к тому же результату: она являлась классовой по своему содержанию, своим тенденциям, которые отражают те изменения, которые происходили в феодальный период внутри господствующего класса.